

Философия для «Ленивых»

Борис Поломошнов

БЕРТРАН
РАССЕЛ
ЧАСТЬ 2

Бертрану Расселу, пожалуй, едва ли не первому среди представителей «западной» или же — «европейской» — как Вам будет угодно — школы мышления удалось прийти к парадоксальной по своему существу мысли: чем больше мы абсолютизируем какую-либо — любую! — идею, тем больше она вырождается в абсурд.

Борис Поломошнов

Бертран Рассел: О Мудрости Запада (в двух частях)

Часть II

«Смысл философии в том, чтобы начать
с самого очевидного,
а закончить самым парадоксальным»

Бертран Рассел.

Триумvirат, состоящий из *Веры*, *Надежды* и *Любви* получил достаточно детальную разработку в трудах таких классиков христианской философии, как Августин Блаженный и Фома Аквинский.

Тем не менее, возведенная в *абсолют*, *каждая* из новозаветных христианских добродетелей, точно так же, как и «четвеурат» платоновских — увы! — тоже вырождается в абсурд.

Ведь *Вера* — в абсолютизированном своем выражении — предстает перед нами в виде господствующей в сознании человека «мировоззренческой установки на восприятие желаемого в качестве действительного» (см. соответствующие энциклопедические статьи академика Шинкарука Владимира Илларионовича).

Надежда как «стремление души убедить саму себя в том, что желаемое сбудется» (см. Р.Декарт, «Размышления о методе»), будучи абсолютизированной, побуждает к бездействию, к пассивному ожиданию гипотетически сваливающейся с неба «манны небесной».

Любовь же, абсолютизируя саму себя, становится слепой.

По крайней мере, наполовину.

И — глухой.

Настолько же.

Любящая мать, например, готова видеть и слышать ВСЕ то, что несет угрозу для ее ребенка.

И — НИЧЕГО из того, что таит в себе опасность, исходящую от ее ребенка.

По отношению к другим.

Когда же спохватится, вполне возможно, что будет уже слишком поздно.

И останется тогда лишь горевать: «И где же это, и что же это я упустила в *воспитании* своего ребенка?».

Ввиду постоянно обнаруживающей себя ущербности системы добродетелей, состоящей из триптиха *Вера*, *Надежда*, *Любовь*, раньше или позже, но обязательно должна была появиться альтернативная ей.

Что, собственно говоря, и произошло накануне и в процессе Великой французской революции.

На ее знаменах было начертано — визуально ли, виртуально ли — не суть важно, главное — что: «Свобода, равенство, братство» (фр.: «Liberté, Égalité, Fraternité»).

Первоначально — «Свобода, равенство, братство или смерть!» (фр. «Liberté, Égalité, Fraternité ou la Mort») — подлинный изначальный девиз Великой французской революции.

Действительно, *Свобода*!

Что может быть *любезнее* «для сердца вольного и пламенных страстей» (см.: Лермонтов М.Ю. «Смерть поэта»)?

Ведь она:

— и «отсутствие принуждения» (Дэвид Юм);

— и «право выбора» (Фома Аквинский);

— и — «осознанная необходимость» (определение совершенно загадочного авторства, приписываемого то Спинозе, то Гегелю, то Марксу с Энгельсом, и все это притом, что ни у одного из них в точности такого определения нет);

— и «возможность делать все, что не наносит вреда другому» (см.: «Декларация прав человека и гражданина» принятая Национальным учредительным собранием — фр. «Assemblée nationale constituante» — 26-го августа 1789 года);

— и «право человека быть дураком, если хочется» (Рональд Рейган).

Не правда ли, сколько удовольствий «в одном флаконе» под названием «Свобода»!

И все бы с ней, *Свободой*, было бы *распрекрасно*, и даже *разыдеально*, если бы не два убийственных обстоятельства.

Первое: абсолютизированная *Свобода* самоубийственна.

Второе: возведенная в ранг абсолюта, *Она* же убийственна.

Доказательства?

Извольте.